

Конец «доктрины Брежнева»

Как горбачевская перестройка помогла странам бывшего «социалистического содружества» обрести полный суверенитет

Михаил Горбачев во время предвыборной компании. Фото: Виктор Воног / Фотохроника ТАСС

17:00, 2 марта 2026,

В позднегорбачевские времена, когда язык газеты «Правда» 1950-х годов *уже* перестал быть и *еще* не стал диалектом нашей дипломатии, блистательный представитель МИД СССР Геннадий Герасимов, отвечая в ходе американской телевизионной программы «Доброе утро, Америка» на вопрос о том, какой позиции после кончины «доктрины Брежнева» теперь придерживается Советский Союз, ответил: «Доктрины Синатры». Помните, сказал он, песню Фрэнка Синатры My Way («Мой путь»). Так вот теперь в современном мире у каждой страны свой путь, и СССР это признает.

Смысл «доктрины Брежнева» был четко сформулирован тогда, когда нужно было найти слова для оправдания вторжения в Чехословакию в августе 1968 года. Вот один из характерных газетных заголовков, суммирующих логику доктрины: «Во имя безопасности братских народов. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств». 26 сентября 1968 года за подписью члена редколлегии Сергея Ковалева в «Правде» увидела свет установочная статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». С нее принято отсчитывать историю «доктрины ограниченного суверенитета»:

«Суверенитет отдельных социалистических стран не может быть противопоставлен интересам мирового социализма и всемирного революционного движения».

В ноябре 1968 года на V съезде Польской объединенной рабочей партии, который Леонид Брежнев не поленился посетить в непростых текущих обстоятельствах, генеральный секретарь

ЦК КПСС обосновал причины вторжения и дал лютую формулу «доктрины ограниченного суверенитета»: «И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран».

Фото: Григорий Собченко / Коммерсантъ

Впрочем, «доктрина Брежнева», которая, разумеется, не имела официального наименования в СССР, с равным успехом могла быть названа «доктриной Сталина» или «доктриной Хрущева».

Сталин последовательно создавал зоны своего влияния, что, собственно, и ознаменовало начало холодной войны — железный занавес поделит Европу между Западом и СССР. Симптоматично, что план помощи Европе, объявленный

Джорджем Маршаллом 5 июня 1947 года, был оценен как шаг к организации «западного блока против Советского Союза» и покушение на зону влияния Сталина — странам-сателлитам СССР было запрещено становиться реципиентами Плана Маршалла. В 1948 году состоялась блокада Западного Берлина, а затем грубая насильственная коммунизация власти в Чехословакии. Эти события и сподвигли Запад на создание НАТО в 1949-м. А в 1955-м, после вступления в НАТО ФРГ, была создана Организация Варшавского договора — противостояние двух зон по обе стороны железного занавеса получило четкое «блоковое» оформление.

Внутри своей «зоны» Сталин в 1948 году столкнулся с неповиновением в Югославии Иосипа Броза Тито, который, основываясь на том факте, что югославы самостоятельно освободили свою страну, требовал равных отношений с СССР. В результате с этого времени и до конца правления Сталина Тито ориентировался в большей степени на Запад.

Готовилось вторжение в Югославию сталинского СССР вместе с его сателлитами. Шла подготовка к покушению на жизнь Тито. Но в результате все ограничилось жесточайшей информационной войной

(руководство Югославии именовалось не иначе, как «фашистская клика Тито-Ранковича»). Югославский же лидер отвечал суровыми репрессиями в отношении тех югославских коммунистов, что были просоветски настроены.

Берлинский кризис июня 1953 года оказался модельным: советские войска тогда подавили волнения в Восточном Берлине и в ряде других городов Германии. Подготавливая

вмешательство СССР в связи с событиями в Венгрии в 1956-м, Никита Хрущев вполне в духе будущей «доктрины Брежнева» высказался по поводу того, почему нужно было навести «порядок» в подконтрольной стране: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов — империалистов. Они поймут нашу слабость и будут наступать... *Выбора у нас другого нет (курсив наш. — Ред.)*». В то время советскому руководству было крайне важно заручиться одобрением и поддержкой других стран социалистического лагеря, включая Югославию, куда Никита Хрущев и Георгий Маленков срочно, в страшную непогоду, отправились в секретную поездку на двухмоторном самолете Ил-14 — настолько важно им было объясниться с Тито (тем не менее отношения с Югославией в результате подавления восстания в Венгрии были снова испорчены).

Фото: Евгений Асмолов / Коммерсантъ

Советским вождям было важно удержать в повиновении свою империю. И, конечно, это была прежде всего «доктрина Сталина». Как отмечал Генри Киссинджер в своем фундаментальном труде «Дипломатия», единственной «валютой», которую Сталин воспринимал всерьез, был контроль над территориями. Однако была и еще одна причина, по которой советские руководители крайне нервно и болезненно реагировали на вспышки недовольства в странах «народной демократии». И эта причина была внутренней. Чешский диссидент из пьесы Тома Стоппарда «Рок-н-ролл» объяснял мотивы вторжения 1968 года: «...просто наши соседи волнуются, как бы их собственные рабы не взбунтовались, если увидят, что нам все сошло с рук».

Ресурсы на поддержание «доктрины Брежнева» истощались, особенно после начала войны в Афганистане: во время очередного и самого масштабного политического кризиса в Польше в начале 1980-х (связанного с противостоянием «Солидарности» с коммунистической властью) у Брежнева уже не было сил на еще один эпизод реализации своей доктрины. Во всяком случае, хотя политическое давление Кремля на руководство Польши было мощным (мол, пора обуздать «антисоциалистические силы»), советские войска в польские события не вмешались, военное положение было введено польским руководством во главе с генералом Войцехом Ярузельским.

Слова о «доктрине Синатры» Геннадий Герасимов произнес в конце октября 1989-го, когда «бархатные революции» шагали по Восточной Европе.

Возможно, поначалу Михаил Горбачев и не предполагал, что страны «народной демократии», они же страны-«союзники»

Советского Союза, глотнув воздуха свободы, потребуют большего — полного освобождения из-под опеки Большого Брата и «возвращения в Европу».

С этим процессом в какой-то момент пришлось смириться, поскольку ни остановить его, ни возглавить, сделав вид, что все идет по плану, СССР уже не мог.

Горбачеву хватило реалистического мышления принять происходящее как естественное следствие его собственной политики. Кому он отдал наших союзников? Как кому? Польшу — полякам, Венгрию — венграм и так далее. Да и надо признать, что в одиночку он не мог управлять всеми этими процессами: народы Центральной и Восточной Европы, в сущности, сами вернули себе свои страны.

Но чтобы «процесс пошел», действительно нужно было отказаться от «доктрины Брежнева», вмешательства в дела сопредельных государств, где в послевоенный период насаждался социализм, причем поначалу в очень грубых сталинских формах. В более вегетарианские времена сразу несколько стран считали себя «самым веселым баракком социалистического лагеря», а венгерские или югославские реформы незадолго до прихода Горбачева на высший пост служили образцами для формирования планов реформ в СССР. Однако «доктрина Брежнева» умерла только при генсеке-реформаторе: не всякая страна, где ступал сапог советского солдата, стала считаться полностью подчиненной руководству советской империи.

Социалистические страны, восприняв импульс от Горбачева, ставшего для мира Горби,

постепенно стали ощущать себя самостоятельными единицами и начали движение к тогдашнему «концу истории» и новой — национальной и европейской — идентичности.

Сегодня трудно себе представить невероятные масштабы «горбимании» и абсолютную уникальность этого явления, когда лидер одной страны оказывается в разы популярнее за границей, чем у себя дома. Помощник Горбачева Анатолий Черняев очень хорошо объяснил происхождение этого феномена: «Мы не знали и не могли понять в прошлом, какой ужас мы наводили на Европу своей военной мощью, своим 1968 годом, своим Афганистаном, каким потрясением для европейцев была установка СС-20. Мы знать этого не хотели: мы демонстрировали мощь социализма. И вот Горби убрал этот ужас».

Фото: Василий Шапошников / Коммерсантъ

«Ужас» в виде символа зависимости стран Восточной Европы от СССР — Организации Варшавского договора — был упразднен на совещании политического консультативного комитета ОВД 1 июля 1991 года. Подпись под документом от имени СССР по иронии истории поставил вице-президент Советского Союза Геннадий Янаев — будущий член ГКЧП. Варшавский договор умер немногим раньше самого советского государства.

Уход из социализма оказался непростым и болезненным, с крушением иллюзий и даже попытками возвратного движения. Но западные организационные якоря, включая членство в ЕС, рыночная экономика, включенность в мировые экономические связи, работоспособные демократические институты с реальной возможностью с помощью свободных выборов регулярно менять власть удержали бывших советских вассалов на векторе нормального общечеловеческого развития.

«Бархатные революции» свершились. И они оказались в целом удачными.

Публикация gorby.media*

*Признано Минюстом РФ «иноагентом».